

Мас. № 78-а

Все гибнет, как сор, и мои богатства здесь в степи не стоят гроша медяка.

Попадь съ шумом пролетѣлъ мимо меня и равнодушно посылалъ мнѣ своими красными окнами. Я видѣлъ, какъ онъ остановился у зеленыхъ огней полустанка, постоялъ мину- ту и покатилъ далѣе. Пройдя версты двѣ, я вернулся на- задъ. Печальныя мысли не оставляли меня. Какъ ни горько было мнѣ, но, помнится, я какъ будто старался, чтобы мои мысли были печальнѣе и мрачнѣе. Знаете, у недалекихъ и самолюбивыхъ людей бывають моменты, когда сознание, что она несчастна, доставляетъ имъ некоторое удовольствіе, и они даже кокетничаютъ передъ самими собой своими стра- даніями. Много въ моихъ мысляхъ было правды, но много и недѣльного, хвастливого и что-то мальчишески вызывающее было въ моемъ поворѣ: „что же можетъ случиться недобро- е?“

— Да что же случит- ся? — спрашивалъ я себя, возвращаясь. — Кажется, все уже пережито. Я болѣлъ я, и деньги терялъ, и выговоры каждый день отъ начальства получаю, и голодаю, и волкъ бѣшеный забѣгалъ во дворъ полустанка. Что еще? Меня оскорбляли, унижали... и я оскорблялъ на своемъ вѣку. Вотъ развѣ только преступ- никомъ никогда не былъ. Гм... На преступленіе я не способенъ, суда не боюсь.

Два облачка уже отошли отъ луны и стояли подоломъ съ такимъ видомъ, какъ будто шептались о чемъ-то такомъ, чего не должна знать луна. Луна вѣте- рокъ пробѣжала по степи, неся глухой шумъ ушедша- го поезда.

У порога дома встрѣти- ла меня жена. Глаза ея весело смѣялись и все лицо дышало удовольствіемъ.

— А у насъ новости! — зашептала она. — Ступай скорѣй въ свою комнату и надѣнь новый сюртукъ: у насъ гостья!

— Какая гостья?

— Сейчасъ съ поѣздомъ пріѣхала тетя Наталья Пе- тровна.

— Какая Наталья Пе- тровна?

— Жена моего дяди Се- мена Федорича. Ты ее не знаешь. Она очень добрая и хорошая...

Вѣроятно, я нахмурил- ся, потому что жена сдѣ- лала серьезное лицо и зашептала быстро:

— Конечно, странно, что она пріѣхала, но... ты, Ни- колай, не сердись и взгляни снисходительно. Она вѣдь не- счастлива. Дядя Семенъ Федоричъ въ самомъ дѣлѣ деспотъ и злой, съ нимъ трудно ужиться. Она говоритъ, что только три дня у насъ прожить, пока не получить письмо отъ своего брата.

Жена долго еще шептала мнѣ какую-то чепуху про де- спота-дядюшку, про слабость человѣческую вообще и моло- дыхъ женъ въ частности, про обязанность нашу давать пріѣтъ всѣмъ, даже большимъ грѣшникамъ и проч. Не понимая ровно ничего, я надѣлъ новый сюртукъ и пошелъ знако- миться съ „тетей“. Отъ одного слова „тетка“ пахнетъ самой скучной прозой, но...

За столомъ сидѣла маленькая женщина съ большими, черными глазами. Мой столъ, сѣрый стѣны, топорный дѣ-

вань... кажется, все до малѣйшей пылинки помолодѣло и по- веселѣло въ присутствіи этого существа, новаго, молодого, издававшего какой-то мудреный запахъ, красиваго и пороч- наго. А что гостья была порочна, я понялъ по улыбка, по ваяху, по особой манерѣ глядѣть и играть рѣсницами, по тону, съ какимъ она говорила съ моей женой — порядочной женщиной... Не нужно ей было рассказывать мнѣ, что она бѣжала отъ мужа, что мужъ ея старъ и деспотъ, что она добра и весела. Я все понималъ съ перваго взгляда, да едва ли въ Европѣ есть еще мужчины, которые не умѣютъ от- личить съ перваго взгляда женщину извѣстнаго темпера- мента.

— А я не знала, что у меня есть такой крупный племянничекъ! сказала, тета, протягивая мнѣ руку и улы- баясь.

— А я не знала, что у меня есть такая хоро- шенькая тетя! сказала я.

Снова начался ужинъ. Пробка съ трескомъ выле- тѣла изъ второй бугылки и моя тетя задломъ выпила полстакана, а когда моя жена вышла куда-то на ми- нутку, тетя уже не церемо- нилась и выпила дѣлѣй стаканъ. Ошьянѣлъ я п отъ вина, и отъ присутствія женщины. Вы помните ро- мансъ?

Очи черныя, очи страствныя,
Очи жгучія и прекрасныя
Какъ люблю я васъ,
Какъ боюсь я васъ!

Не помню, что было потомъ. Кому угодно знать, какъ начинается любовь, тотъ пусть читаетъ романы и длинныя повѣсти, а я скажу только немного и словами все того же глупа- го романа:

Знать увидѣлъ васъ
Я не въ добрый часъ...

Все полетѣло къ чорту верхнимъ кондомъ внизъ. Помнится мнѣ страшный, бѣшеный вихрь, который закружилъ меня, какъ пе- рышко. Кружилъ онъ долго и стеръ съ лица земли и жену, и самую тетю, и мою силу. Изъ степного полустанка, какъ видите, онъ забросилъ меня на эту темную утлцу.

Теперь скажите: что еще недобро можетъ со мной случиться?

Ан. Чеховъ.

ПИСАТЕЛИ ПОСЛѢДНЯГО ВРЕМЕНИ.

I.

Чеховъ и Короленко.

Эти два писателя пріобрѣли извѣстность почти въ одно время — года два-три назадъ. Популярность ихъ одинакова, хотя различія между ними очень опредѣленны.

Писательская школа у обоихъ была равная. Г. Чеховъ на- чалъ работать въ газетахъ, г. Короленко — въ журналахъ. Га-

Архимандритъ Пайсій.

зета погребовала отъ г. Чехова особой формы разкава, краткой и сжатой; журналъ не стѣснялъ и даже скорѣе поощрялъ г. Короленко къ повѣствованію подробному и обстоятельному. Требования газеты были искусственны и, привыкнувъ къ нимъ, г. Чехову сразу не удалось перейти къ роману. Журналъ не связалъ г. Короленко никакой формой, но и не послужилъ школой.

Для своихъ разказовъ г. Чеховъ беретъ сюжеты простые, положенія обыкновенныя, замѣтно предпочиталъ обыденныя личности исключительнымъ. Г. Короленко ищетъ сюжетовъ яркихъ, необычайныхъ, описываетъ личности по большей части страстныя, поразительныя воображеніемъ. Все написанное

сказываетъ мѣръ имъ наблюдаемый, г. Короленко разказываетъ точно изъ своихъ воспоминаній и личное чувство всегда сильно проникаетъ его разказъ, придавая ему теплоту и горячность. Манера изображенія г. Чехова даетъ фигуры приближающіяся къ типамъ, манера г. Короленко — портреты. Г. Чеховъ до сихъ поръ не явилъ своего героя, котораго бы старался возвышать надъ средою, у г. Короленко же есть свои герои, и есть увлеченіе ими.

Наибольшее и едва ли не единственное сходство обоихъ писателей — въ ихъ несомнѣнной талантливости и добросовѣстности служенія литературѣ.

Насеръ-Элдинъ, шахъ персидскій.

г. Чеховымъ изображаетъ жизнь русскую, у г. Короленко же есть разказы, въ которыхъ и герой, и среда взяты авторомъ совсѣмъ не русскіе, такъ что даже самый разказъ кажется точно переведеннымъ съ иностраннаго. У г. Чехова наблюдательность очень точная, манера разказывать проста, фантазія у него участвуетъ какъ будто только въ выработкѣ самой темы разказа, вся же обстановка его беретъ изъ стѣнъ жизни. У г. Короленко всѣ разказы фантастичны; форма у него вообще очень изысканна, иногда даже изыскана; иной разъ въ разказѣ его становится замѣтна приема оратора — умолчанія, красивыя фразы и т. п. У г. Чехова преобладаютъ наблюденіе, у г. Короленко чувство. Г. Чеховъ какъ будто понесшему раз-

СТИХОТВОРЕНІЯ ПОСЛѢДНЯГО ГОДА.

28 января 1889 г. состоялся 50-лѣтній юбилей А. А. Фета-Шенина. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ вышелъ небольшой сборникъ стихотвореній девятнадцати-лѣтняго поэта, подъ названіемъ „Литературный пантеонъ“ А. Ф. На привѣтственные поздравленія съ днемъ юбилея поэтъ отвѣчалъ:

На утро дней все ярче и чудеснѣй
Мечты и сны въ груди моей росли,
И пѣсенъ рой во слѣдъ за первой пѣсеней
Мой тайный шель на волю понесли.

И, трепетнымъ отъ счастья и муки,
Хотѣлось птичкамъ божіимъ моимъ,
Чтобъ гдѣ нибудь ихъ налетѣли звуки
На чуткій слухъ, внимать готовый имъ.

Полѣвка ждалъ друзей я этихъ пѣсенъ,
Гадалъ о тѣхъ, кто имъ живой пріютъ,
О, какъ мой день сегодняшній чудесенъ —
Со всѣхъ сторонъ тѣ пѣсни мнѣ несуть.

Тутъ нѣтъ чужихъ, тутъ все родной и кровный,
Тутъ нѣтъ враговъ, кругомъ одни друзья,
И всей душой за васъ привѣтъ любовный
Къ своей груди васъ прижимаю я.

Стихотвореніе Я. П. Полонскаго:

Для сердца нѣжнаго и любящаго страстно
Тѣ поцѣлуи слаще всѣхъ наградъ,
Что съ милыхъ робкихъ устъ похищены украдкой
И потихоньку отданы назадъ.

Но къ обладанью насъ влечетъ нѣмая сила;
Нашъ умъ мутитъ блаженства сладкій ядъ —
Слезами и тоской отравленная чаша
Изъ милыхъ рукъ приходитъ къ намъ назадъ.

Не всякому дано любить хмѣльной напитокъ,
Разбавить дружбы трезвою водою
И дотянуть его до старости глубокой
Съ наперсницей когда-то молодой.

Г. Фофановымъ издана въ этомъ году книжка его стихотвореній. Между ними много задумчивыхъ и милыхъ вещей, обличающихъ въ г. Фофановѣ богатое и искреннее дарованіе и нѣжную впечатлительность къ жизни природы и очарованію ея красоты.

Первая заря.

Мнѣ было года три, когда впервые я
Почувствовалъ душой всю прелесть бытій,
Когда сознаніе блеснуло метеоромъ
И я вокругъ себя окинулъ взглядомъ.